

УДК 811.511.131

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-4-657-669

**Сложные глагольные комплексы и скалярная модификация
(на материале татышлинского говора удмуртского языка)**

Е. В. Кашкин

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
egorka1988@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена семантическим свойствам сложных глагольных комплексов (сочетаниям деепричастия лексического глагола с грамматикализованным глаголом) в татышлинском говоре периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка.

Цель: описание семантики конструкций с различными грамматикализованными глаголами в татышлинском говоре, анализ их общих семантических характеристик.

Материалы исследования: данные, полученные методом анкетирования носителей татышлинского говора и из корпуса записанных от них устных текстов.

Результаты и научная новизна. В статье впервые подробно описаны значения сложных глагольных комплексов в татышлинском говоре, претерпевшем интенсивные контакты с тюркскими языками и в целом существенно отличающемся от литературного языка и от многих других территориальных вариантов удмуртского языка. Получены не делавшиеся в работах предшественников обобщения о функционировании грамматикализованных глаголов в сложных глагольных комплексах удмуртского языка в качестве скалярных модификаторов. Такие модификаторы представляют релевантный для конкретного типа ситуаций семантический признак (частоту, длительность протекания ситуации, полноту охвата объекта и др.) как принимающий значение, которое располагается на соответствующей шкале выше или, в случае некоторых глаголов, ниже контекстного стандарта.

Ключевые слова: удмуртский язык, татышлинский говор, сложные глагольные комплексы, семантика, грамматикализация, скалярность

Благодарности: исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

Для цитирования: Кашкин Е. В. Сложные глагольные комплексы и скалярная модификация (на материале татышлинского говора удмуртского языка) // Вестник урведения. 2024. Т. 14. № 4 (59). С. 657–669.

**Complex verbs and scalar modification
(on the material of Tatyshly subdialect of the Udmurt language)**

E. V. Kashkin

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,
egorka1988@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the article deals with the semantic properties of complex verbs (constructions combining a converb of a lexical verb and a grammaticalized verb) in the Tatyshly subdialect of the peripheral Southern dialect of the Southern variety of the Udmurt language.

Objective: to describe the semantics of constructions with various grammaticalized verbs in Tatyshly Udmurt subdialect, analysis of their common semantic properties.

Research materials: the data obtained by the method of questioning native speakers of the Tatyshly subdialect and from the corpus of oral texts recorded from them.

Results and novelty of the research: for the first time, the article describes in detail the meanings of complex verbs in the Tatyshly Udmurt subdialect, which has undergone intensive contacts with the Turkic languages and, in general, differs significantly from the literary language and from many other territorial variants of the Udmurt language. Generalizations about the functioning of grammaticalized verbs in complex verbs of the Udmurt language as scalar modifiers, which were not made in the works of their predecessors, were obtained. Such modifiers represent a semantic feature relevant to a particular type of situation (frequency, duration of the situation, completeness of the coverage of an object, etc.) as having a value that is located on the appropriate scale above or, in the case of some verbs, below the contextual standard.

Key words: Udmurt language, Tatyshly subdialect, complex verbs, semantics, grammaticalization, scalarity

Acknowledgments: the research has been supported by the Russian Science Foundation (project № 22-18-00285, Lomonosov Moscow State University).

For citation: Kashkin E. V. Complex verbs and scalar modification (on the material of Tatyshly subdialect of the Udmurt language) // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (4/59): 657–669.

Введение

В статье на материале татышлинского говора удмуртского языка рассматриваются сложные глагольные комплексы – конструкции с деепричастием лексического глагола на *-sa* и с грамматикализованным глаголом, как в (1).

(1) *nāl* *bördä-sa* *lez'-i-z.*

девочка плакать-СВВ пустить-РСТ-3СГ
'Девочка заплакала (букв.: заплавав пустила / послала / бросила)'

Сложные глагольные комплексы в татышлинском говоре практически не изучались (ср. всего около страницы посвящённого им текста в наиболее подробном описании говора [13, 104] и ещё более краткий раздел в диссертации [8], посвященной включающей татышлинский говор закамской группе удмуртских говоров). При этом они представляют интерес в силу активных контактов татышлинского удмуртского с тюркскими идиомами [13]. Учитывая вероятное тюркское происхождение этого типа конструкций (см. диссертацию J. Bradley [14]), можно ожидать, что материал татышлинского говора, для которого характерны тюркские заимствования на разных уровнях, окажется продуктивным для изучения данной темы.

Имеется ряд описаний удмуртских сложных глагольных комплексов на материале литературного языка и южных диалектов, см., например, анализ устройства системы с отдельными иллюстрациями преимущественно на материале литературного языка [5; 6; 9; 10], обсуждение материала в свете выражения аспектуальных значений в удмуртском языке [17], разбор системы кукморского диалекта [4], анализ употребления в таких конструкциях русских заимствований [15]. В этих работах имеются две важные лакуны. Во-первых, далеко не для всех конструкций чётко сформулирован семантический вклад грамматикализованного глагола. Во-вторых, не обсуждается вопрос о том, имеются ли у этого типа конструкций (а если да, то какие) общие семантические функции. Мы затронем обе проблемы, сначала последовательно описав в доступном для статьи объёме употребление грамматикализованных глаго-

лов, а затем сделав семантические обобщения.

Материал и методы

Материал собран в 2019–2024 гг. в экспедициях Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в Татышлинский район Республики Башкортостан (с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмярово, д. Бигинеево, с. Уразгильды, д. Арибаш)¹. Всего за разные годы опрошено 53 информанта. Помимо этого, учитывались данные корпуса устных текстов на татышлинском говоре, записанных и расшифрованных в экспедициях [7].

Примеры, полученные в экспедициях, записываются в практической транскрипции, в основном соответствующей системе из диссертации А. Т. Байдуллиной [13]. Данные литературного языка приводятся в стандартной орфографии. При примерах, взятых из полевых материалов автора, ссылка на источник опускается по умолчанию. Переводы таких примеров являлись стимулами при анкетировании. При проверке примера с удмуртского стимула перевод уточнялся у информанта. Примеры предложений на удмуртском языке снабжены поморфемным глоссированием. Неграмматичные примеры помечаются символом «*»; примеры, приемлемые для большей или меньшей части респондентов – символами «?» и «??» соответственно.

В исследовании принята методология, апробированная в полевых исследованиях Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. В первую очередь применялся метод анкетирования (активного опроса) информантов (перевод предложений с русского языка на татышлинский говор удмуртского, оценка правильности и интерпретация предложений на татышлинском говоре). В ходе анкетирования проверялись сочетания грамматикализованных глаголов с лексическими глаголами, относящимися к различным акциональным и семантическим классам. Помимо этого, использовался метод

¹ Варьирования в употреблении рассматриваемых конструкций между указанными населёнными пунктами не выявлено.

корпусного анализа. Применялся сопоставительно-типологический метод: материал систематизировался и оценивался с учётом данных по другим вариантам удмуртского языка, ареально близким языкам, а также более широкой типологической перспективы.

Результаты

Мы рассмотрели конструкции с грамматикализованными глаголами *lez'ânâ* 'пустить, послать, бросить', *koškânâ* 'уйти', *potânâ* 'выйти', *käl'l'ânâ* 'лежать, находиться', *ulânâ* 'жить', *bas'tânâ* 'взять', *mânânâ* 'идти', *kuštânâ* 'бросить', *kel'tânâ* 'оставить', *a'ž'ânâ* 'видеть'. Широко употребительных конструкций с другими

грамматикализованными глаголами на данном этапе исследования не встретилось.

Глагол *lez'ânâ* 'пустить, послать, бросить'

Конструкция с глаголом *lez'ânâ* 'пустить, послать, бросить' (лит. *лэзьыны*) описывает вхождение в процесс. В первую очередь в ней используются лексические глаголы эмиссии (т. е. испускания) звука, см. (2), а также сочетания с глаголами *šâtârlanâ* 'тарахтеть', *dâmbârlanâ* 'грохотать, стучать', *kâžânâ* 'кашлять', *bördânâ* 'плакать', *s'ere'ž'anâ* 'смеяться'. Примеры (3)–(4) показывают, что в большинстве исследованных идиолектов *lez'ânâ* сочетается с глаголом *šâdânâ* 'играть' только в звуковых контекстах.

- (2) *pünä* *ütä-sa* *lez'-i-z.*
собака лаять-CVB пустить-PST-3SG
'Собака залаяла'.
- (3) *vas'a* *truba-jen* *šâdâ-sa* *lez'-i-z.*
Вася труба-INS играть-CVB пустить-PST-3SG
'Вася начал играть на трубе'.
- (4) [?]*vas'a* *pi-jen-âž* *šaxmat-en* *šâdâ-sa lez'-i-z.*
Вася мальчик-INS-POSS.3SG шахматы-INS играть-CVB пустить-PST-3SG
'Вася начал играть в шахматы с сыном'.

Заметим, что у *lez'ânâ* существенно ограничена сочетаемость с глаголами речи (ср. (5)–(6)), базо-

вым для которых является семиотический, а не чисто звуковой компонент значения [19, 202–212].

- (5) [?]*pijosmurt* *mon-en-âm* *baškârt* *s'äin*
мужчина я-INS-POSS.1 башкир по
vere-s'kâ-sa *lez'-i-z.*
говорить-DETR-CVB пустить-PST-3SG
'Мужчина заговорил со мной по-башкирски'.
- (6) ^{*}*nâl* *mar* *där* *šâpârtâ-sa* *lez'-i-z.*
девочка что наверное шептать-CVB пустить-PST-3SG
Ожидаемое значение: 'Девочка что-то зашептала'.

В рассматриваемой конструкции возможны некоторые глаголы эмиссии вещества (ср. допустимость *lez'ânâ* в (7), но не в (8)) и эмиссии

света (см. допустимость предложений (9)–(10) для части респондентов).

- (7) *nâłpi* *ôskä-sa* *lez'-i-z.*
ребёнок блевать-CVB пустить-PST-3SG
'Ребёнка стало рвать'.
- (8) *tânad* *ž'ara-jed* *urž'ekt-em* / **urž'ektâ-sa* *lez'-em,*
ты.GEN рана-POSS.2SG гноиться-PST2 гноиться-CVB пустить-PST2
vras' *dor-â* *mân-ono.*
врач сторона-ILL идти-DEV
'У тебя рана загноилась, надо идти к врачу'.
- (9) [?]*t'el'evizor-ân* *vorekja-sa* *lez'-i-z* *lampoč'ka-jez.*
телевизор-LOC мигать-CVB пустить-PST-3SG лампочка-POSS.3SG
'На телевизоре замигала лампочка'.

- (10) *perč'atka-jez* *kušt-i-z* *no* *č'in'i-is't-âz* *zundes-ez*
 перчатка-ACC бросить-PST-3SG ADD палец-EL-POSS.3SG кольцо-POSS.3SG
č'il'a-sa *lez'-i-z.*
 сверкать-CVB пустить-PST-3SG
 ‘Снял перчатку, и кольцо на пальце засверкало’.

С наименованиями процессов, не предполагающих эмиссии, глагол *lez'ânâ* в сложных глагольных комплексах, как правило, не сочетается, за исключением глагола *ektânâ* ‘танцевать’:

- (11) *vas'a* *ektâ-sa* *lez'-i-z.*
 Вася танцевать-CVB пустить-PST-3SG
 ‘Вася пустился в пляс’.

Согласно комментариям носителей, *lez'ânâ* типично вносит компонент неожиданного начала действия, ср. приведённый самим информантом пример (12) с комментарием «Сиделасидела и резко начала петь» или интерпретацию в (13).

- (12) *kesäk* *kârž'a-sa* *lez'-i-z.*
 вдруг петь-CVB пустить-PST-3SG
 ‘Она вдруг запела’.
- (13) *pič'i* *nâl* *bördä-sa* *lez'-i-z.*
 маленький девушка плакать-CVB пустить-PST-3SG
 ‘Девочка вдруг заплакала’.

Глагол *koškânâ* ‘уйти’

Конструкция с глаголом *koškânâ* ‘уйти’ (лит.

koškyны), как правило, описывает вхождение в состояние:

- (14) *nâlpri-len* *âmdor-âz* *lâz-ektâ-sa* *košk-i-z.*
 ребёнок-GEN губа-POSS.3SG синий-İNCH-CVB уйти-PST-3SG
 ‘У ребёнка губы посинели’.
- (15) *mon* *stud'ent-jos-ân* *pukâ-kâ-m,* *kud-og*
 я студент-PL-İNS сидеть-CVB.SİM-POSS.1SG который-один
verä-s'k-em-lâ *as-me* *kâl-lâ=* *as-me*
 говорить-DETR-POSS.1SG-DAT REFL-POSS.1PL язык-DAT REFL-POSS.1PL
ač'-im *no* *kud-og* *dârja* *pajmâ-sa* *košk-is'ko-Ø.*
 REFL-POSS.1SG ADD который-один во_время удивляться-CVB уйти-PRS-1SG
 ‘Когда я сижу со студентами [во время работы с участниками экспедиции], сама удивляюсь нашему говору’ [7].

Многие из лексических глаголов, с которыми сочетается *koškânâ*, имеют экспериенциальную семантику (например, *šumrotânâ* ‘радоваться’, *kajgârânâ* ‘расстроиться’, *č'erlanâ* ‘заболеть’, *kâškanâ* ‘бояться’, *kel'ânâ* ‘нравиться’). В неко-

торых случаях конструкция с *koškânâ* возможна, если глагол выражает экспериенциальное значение, но возможна не во всех исследованных идиолектах, когда тот же глагол выражает иное значение, ср. пары в (16)–(17).

- (16) a. *mon* *šuna-sa* *košk-i-Ø.*
 я таять-CVB уйти-PST-1SG
 ‘Я согрелся’.
- b. *lâtmâ* *šuna-sa* *košk-i-z.*
 снег таять-CVB уйти-PST-3SG
 ‘Снег растаял’.
- (17) a. *vas'a* *kânmmâ-sa* *košk-i-z.*
 Вася замёрзнуть-CVB уйти-PST-3SG
 ‘Вася замёрз’.

b.	<i>ʔsil'</i>	<i>kānmâ-sa</i>	<i>košk-i-z.</i>
	мясо	замёрзнуть-CVB	уйти-PST-3SG
	‘Мясо замёрзло’.		

Некоторые глаголы, не имеющие экспериенциального аргумента, в этой конструкции, однако, возможны, ср. (18)–(20)¹.

- (18) *kubâsta* *budâ-sa* *košk-i-z.*
 капуста расти-CVB уйти-PST-3SG
 ‘Капуста резко выросла’.
- (19) *rak-jos-tâ* *pôs'* *vi-e* *pon-i-zâ* *no* *so-jos*
 рак-PL-ACC горячий вода-ILL положить-PST-3PL ADD TOT-PL
gord-ektâ-sa *košk-i-zâ.*
 красный-DENOM-CVB уйти-PST-3PL
 ‘Раков положили в горячую воду, и они покраснели’.
- (20) *pi* *žua-sa* *košk-i-z.*
 дерево гореть-CVB уйти-PST-3SG
 ‘Дрова вспыхнули’.

Конструкция с *koškânâ* описывает высокую скорость перехода в новое состояние. Так, системно описываемый носителями сценарий для (18) состоит в том, что капуста не просто выросла в течение лета, а резко пошла в рост после дождя. В (19) предполагается, что раки покраснели за короткое время. Пример (21) интерпретируется информантами как «сидела трезвая и вдруг резко опьянела».

- (21) *mon* *kuʔž'ä-sa* *košk-i-Ø.*
 я пьянеть-CVB уйти-PST-1SG
 ‘Я опьянела’.

Глагол *potânâ* ‘выйти’

Конструкция с ещё одним глаголом переме-

щения – *potânâ* ‘выйти’ (лит. *потыны*) указывает на полный охват объекта действием:

- (22) *mon ta kn'iga-jez* *lâž'â-sa* *pot-i-Ø.*
 я этот книга-ACC читать-CVB выйти-PST-1SG
 ‘Я прочитал эту книгу’.

Употребление этой конструкции предполагает перебор составных частей или сортов объекта. В (22) такими частями являются главы книги. Пример (23) был прокомментирован при анкетировании носителей как «Рассказала об этом, об этом, разложила по полочкам», (24) – как «Перепробовала всё: ириски, шоколадки, мармеладки».

- (23) *mon so-lâ van'm-âz s'arâs' vera-sa pot-i-Ø.*
 я тот-DAT весь-POSS.3SG о говорить-CVB выйти-PST-1SG
 ‘Я ему обо всём рассказала’.
- (24) *mon van' kanfet-jos-âz s'i-sa pot-i-Ø.*
 я весь конфета-PL-ACC есть-CVB выйти-PST-1SG
 ‘Я съела все конфеты [разных сортов]’.

В (25) сложный глагольный комплекс с *potânâ* возможен в сочетании с семантически множественным объектом (части которого подвергаются действию по очереди), но не с единичным объектом, когда перебор составных частей невозможен.

¹ В примере (20) конструкция описывает не вхождение в состояние, а вхождение в процесс (начало горения). Других примеров такой акциональной интерпретации сложных глагольных комплексов с *koškânâ* не выявлено. Завершение горения было бы описано конструкцией *žuaša bāž* ‘сгорел’ (букв.: закончил гореть).

- (25) *vras'* *bâdes klass-lâ* / *nâlpî-jos-lâ* / **#maša-lâ* *privivka*
 врач весь класс-DAT / ребёнок-PL-DAT Маша-DAT прививка
les'tâ-sa *pot-i-z.*
 делать-CVB выйти-PST-3SG
 'Врач сделал прививки всему классу / детям / *Маше²'.

Глагол *kâl'l'ânâ* 'лежать, находиться'

Литературный аналог глагола *kâl'l'ânâ* (*кылыны*) означает 'лежать'. В татышлинском говоре этот глагол употребляется существенно шире, используясь, за некоторыми исключениями, как доминантный позиционный предикат

(см. также его обсуждение и ссылки в нашей статье [2]).

Сложные глагольные комплексы с *kâl'l'ânâ* могут использоваться в значении прогрессива, описывая срединную стадию протекания ситуации, см. (26)–(27).

- (26) *mon korka pârâ-kâ* *anaj vâž* *mis'kâ-sa* *kâl'l'-e* *val.*
 я дом войти-CVB.SIM мать пол мыть-CVB лежать-PRS.3SG быть.PST
 'Когда я вошёл в дом, мама мыла пол'.
- (27) *kâtân* *al'i* *maša?* – *tin'i so otân skakalka-jen*
 где сейчас Маша вот тот там скакалка-INS
tetč'-a-sa *kâl'l'-e.*
 прыгнуть-ITER-CVB лежать-PRS.3SG
 'Где сейчас Маша? – Вот она там через скакалку прыгает'.

Также эта конструкция используется в ха- битутальных контекстах, в этом случае предпо- лагая высокую частоту действия (см., кроме того, указание данного эффекта в примерах из кукморского говора в статье В. К. Кельмакова

[4, 97] и обсуждение в нашей статье [2]), см. (28)–(29); ср. также сочетаемость с указываю- щим на частое действие обстоятельством (29а), но не с обстоятельством противоположной се- мантики (29b).

- (28) *vas'a ž'üä-sa* *kâl'l'-e,* *so-in* *so-je*
 Вася пить-CVB лежать-PRS.3SG тот-INS тот-ACC
už-is't-âž *pot-t-i-zâ.*
 работа-EL-POSS.3SG выйти-CAUS-PST-3PL
 'Вася пьёт, поэтому его с работы уволили'.
- (29) a. *kuaz' zor kâžâr nunal-lâ bâde zorâ-sa* *kâl'l'-e.*
 погода дождь сейчас день-DAT по идти_о_дожде-CVB лежать-PRS.3SG
 'Дождь сейчас идёт каждый день'.
- b. *kuaz' zor kâžâr tolez'-a-z* *odig pol gâne*
 погода дождь сейчас месяц-LOC/ILL-POSS.3SG один раз только
zorâ-sa *kâl'l'-e* *na, ž'ü* *kuas'm-e.*
 идти_о_дожде-CVB лежать-PRS.3SG PTCL зерно сохнуть-PRS.3SG
 'Дождь сейчас идёт только раз в месяц, урожай гибнет'.

Глагол *ulânâ* 'жить'

Использование в сложных глагольных ком- плексах лексемы *ulânâ* 'жить' характерно не для всех исследованных идиолектов. Ряд но- сителей предпочитают описанную выше кон- струкцию с *kâl'l'ânâ* 'лежать, находиться', а кон- струкцию с *ulânâ* либо отвергают, либо поясня- ют, что слышали её, но сами обычно не исполь- зуют. Дальнейшее изложение основывается

на суждениях тех носителей, которые, по их указаниям, используют конструкцию с *ulânâ*.

Глагол *ulânâ* в сложных глагольных ком- плексах выражает семантику большой продол- жительности ситуации, см. (30)–(31). В (30) конструкция совместима с обстоятельством та- кой семантики, но, в большинстве идиолектов, не с обстоятельством, обозначающим малую продолжительность.

¹ В примере (20) конструкция описывает не вхождение в состояние, а вхождение в процесс (начало горения). Других примеров такой акциональ- ной интерпретации сложных глагольных комплексов с *koškânâ* не выявлено. Завершение горения было бы описано конструкцией *žuasa bâriz* 'сгорел' (букв.: закончил гореть).

(30) *kâk nunal / ʔvit' minut zorâ-sa ul-i-z.*
 два день пять минута идти_о_дожде-CVB жить-PST-3SG
 'Два дня / ʔпять минут шёл дождь'.

(31) *kema uç'kâ-sa ul-em so šor-â.*
 долго смотреть-CVB жить-PST2 тот середина-ILL
 'Долго стояла смотрела на неё [женщина на русалку]' [7].

Некоторые информанты отмечают, что в конструкции с *ulânâ* наиболее естественны лексические глаголы, описывающие природные явления, см. (30) и сочетания с глаголами *lâmijanâ* 'идти (о снеге)', *č'il'ekjanâ* 'сверкать (о молнии)', *pištânâ* 'светить (о солнце)'. Однако в конструкции не исключены и лексические глаголы другой семантики, ср. (32).

(32) *šâd pöz'â-sa ul-e.*
 суп вариться-CVB жить-PRS.3SG
 'Суп варится'.

С аспектуальной точки зрения конструкция с *ulânâ* в первую очередь используется в эпизодических контекстах (обозначающих единичную, а не регулярно происходящую ситуацию), см. (30)–(32). В хабитуальных контекстах (обозначающих регулярно про-

исходящую ситуацию) эта конструкция, по имеющимся данным, применяется, если речь идёт о постоянном положении вещей (33), и не используется, если ситуация осуществляется через заданные промежутки времени (34).

(33) *mon gumârdan vis'â-sa ul-is'ko-Ø in'i.*
 я всю_жизнь болеть-CVB жить-PRS-1SG уже
 'Я всю жизнь болею'.

(34) *šu'na-lâ bâde vas'a žuk s'i-e / *s'iâ-sa ul-e.*
 утро-ДАГ каждый Вася каша есть-PRS.3SG есть-CVB жить-PRS.3SG
 'Каждое утро Вася ест кашу'.

Глагол *bas'tânâ* 'взять'

Сложные глагольные комплексы с лексемой *bas'tânâ* 'взять' (лит. *басьтыны*) кодируют ситуации малой продолжительности (35), см.

(35) *mon so-in kâk minut / *žâŋâ nunal vera-s'kâ-sa bas't-i-Ø.*
 я тот-INS два минута половина день
 говорить-DETR-CVB взять-PST-1SG
 'Я поговорил с ним две минуты / *проговорил полдня'.

также [2]. Аналогичная дефиниция приводится В. К. Кельмаковым [4, 102] на материале кукморского говора: «непродолжительность, маломерность этого процесса (состояния)».

В некоторых примерах конструкция с *bas'tânâ* указывает на низкую степень проявления других признаков ситуации. В (36) до-

ступна и интерпретация открывания двери на короткое время, и интерпретация неполного открывания.

(36) *mon ôs-ez ûs'tâ-sa bas't-i-Ø.*
 я дверь-ACC открыть-CVB взять-PST-1SG
 'Я открывал дверь на время (а потом закрыл)'.
 'Я приоткрыл дверь (не настезь)'.

Предложение (37), приемлемое для части опрошенных носителей, указывает на низкую степень замерзания.

(37) *ʔmon ôžât kânâ-sa bas't-i-Ø.*
 я мало мёрзнуть-CVB взять-PST-1SG
 'Я несильно замёрз'.

В то же время интерпретация низкой степени нерегулярна. Так, можно было бы ожидать, что в (38) будет кодироваться низкая громкость ситуации, однако в этом примере возможна только интерпретация небольшой продолжительности смеха, который мог быть как громким, так и негромким.

- (38) *nâl* *s'erâ'ž'a-sa* *bas't-i-z.*
 девочка смеяться-CVB взять-PST-3SG
 'Девочка посмеялась [недолго; о громкости информации нет]'.

В (39) не возникает интерпретация небольшой силы физического воздействия (ситуация совместима как с сильным, так и с несильным

ударом). Семантический вклад глагола *bas'tânâ* в этом случае неясен.

- (39) *ataj* *mon-e* *šukkâ-sa* *bas't-i-z.*
 отец я-ACC ударить-CVB взять-PST-3SG
 'Отец меня ударил'.

Глагол *mânânâ* 'идти'

Сложные глагольные комплексы с лексемой *mânânâ* 'идти' (лит. *мыныны*) описывают происходящее с невысокой скоростью развитие про-

цесса, в котором можно выделить разные стадии. В (40) таким стадиям соответствует разное количество съеденных яблок, во фрагменте диалога (41) – «порции» созревающей клубники.

- (40) *mil'am* *tros* *jablok* *pot-i-z,* *mi* *so-je*
 мы.GEN много яблоко выйти-PST-3SG мы тот-ACC
s'i-sa *mân-is'ko-m.*
 есть-CVB идти-PRS-1PL
 'У нас выросло много яблок, мы их постепенно съедаем'.

- (41) *ej,* *borâ* *uz* *bâr* *aj* *so.*
 эй клубника NEG.FUT.3 закончиться PTCL тот
 – *al'i* *č'äk* *kis'ma-sa* *mân-e,* *u'-ua.*
 сейчас немного зреть-CVB идти-PRS.3SG PTCL
 'Эй, клубника не закончится ещё. – Ещё немного созревает, да ведь' [7].

Пример (42a) оценивается носителями как более приемлемый, чем (42b). В (42a) речь идёт о значительно большем пространстве,

что делает более естественной категоризацию процесса горения как включающего разные стадии.

- (42) a. *küd'ok-ân* *jevâl* *n'ules* *žua-sa* *mân-e.*
 далеко-LOC NEG лес гореть-CVB идти-PRS.3SG
 'Недалеко горит лес'.
 b. *gur-ân* *pi* *žua-sa* *mân-e.*
 печь-LOC дерево гореть-CVB идти-PRS.3SG
 'В печи горят дрова'.

В (43) продемонстрировано ограничение на сочетаемость конструкции с *mânânâ* и обстоятельства, указывающего на быстрое про-

текание ситуации. Это подтверждает, что конструкция описывает именно постепенно (а не краткосрочно) протекающий процесс.

- (43) *koč'äšpi* *kal'l'en* / *šäp* *budâ-sa* *mân-e.*
 котёнок тихо / быстро расти-CVB идти-PRS.3SG
 'Котёнок потихоньку / быстро растёт'.

Ситуации, развитие которых не предполагает прагматически естественных стадий, опи-

сываться рассматриваемой конструкцией не могут, ср. (44).

- (44) *ös* *č'äk* *gäne* *č'äkârda-Ø* / **č'äkârda-sa* *mân-e.*
 дверь немного только скрипеть-PRS.3SG скрипеть-CVB идти-PRS.3SG
 'Дверь немного скрипит'.

Глагол *kuštānā* ‘бросить’

Сложные глагольные комплексы с лексемой *kuštānā* ‘бросить’ (лит. *куштыны*) существуют не во всех идиолектах. Ряд носителей указывает, что её скорее используют пожилые люди, однако подробного социолингвистического исследования мы не проводили.

(45)	<i>ʔč'užaj</i>	<i>vis'ā-sa</i>	<i>kušt-i-z.</i>
	бабушка_по_матери	болеть-CVB	бросить-PST-3SG
	‘Бабушка недолго поболела’.		

Во-вторых, конструкция с *kuštānā* может описывать второстепенную ситуацию, реализуемую на фоне находящейся «за кадром» более приоритетной ситуации, см. (46)–(48). Информанты часто трактуют такие употребления как «сделал Р между делом». В некоторых случаях, как в (46), такую интерпретацию мо-

Зафиксированные нами употребления конструкции с *kuštānā* делятся на два класса. Во-первых, она описывает непродолжительную ситуацию, как и конструкция с *bas'tānā* (носители, допускающие обе конструкции, не усматривают семантических и сочетаемостных различий между ними):

(46)	<i>ʔkóräš</i>	<i>žug-žag-ze</i>	<i>žua-tā-sa</i>	<i>kušt-i-z.</i>
	сосед	мусор-ACC.POSS.3SG	гореть-CAUS-CVB	бросить-PST-3SG
	‘Сосед сжёг мусор’ [между делом, пока было время].			
(47)	<i>ʔmon</i>	<i>tünne</i>	<i>kāzāljār-e</i>	<i>ve'lā-sa</i> <i>kušt-i-Ø.</i>
	я	сегодня	Кызыл-Яр-ILL	ходить-CVB бросить-PST-1SG
	‘Я сегодня сходила в Кызыл-Яр [неожиданно, неохотно, вместо чего-то более важного]’.			
(48)	<i>ʔmon</i>	<i>vojna i</i>	<i>mir-ez</i>	<i>lā'ž'ā-sa</i> <i>kušt-i-Ø.</i>
	я	война и	мир-ACC	читать-CVB бросить-PST-1SG
	‘Я прочитала «Войну и мир»’ [но книга не понравилась мне].			

Глагол *kel'tānā* ‘оставить’

Глагол *kel'tānā* ‘оставить’ (лит. *кельтыны*) имеет несколько классов употреблений в сложных глагольных комплексах. Во-первых, он указывает на длительное

нахождение какой-либо сущности в заданной локации в результате произведённого действия, ср. невозможность контекста, предполагающего противоположную семантику, в (49).

(49)	<i>mon</i>	<i>ūs'tet-me</i>	<i>ūs'kātā-sa</i>	<i>kel't-i-Ø</i>	<i>no</i>
	я	ключ-ACC.POSS.1SG	уронить-CVB	оставить-PST-1SG	ADD
	<i>šukaz'-a-z</i>		<i>šed't-i-Ø</i>	/	<i>*sokā</i> <i>ik</i> <i>žut-i-Ø.</i>
	завтра-LOC/ILL-POSS.3SG		найти-PST-1SG	тогда	EMPH поднять-PST-1SG
	‘Я уронила ключи и нашла их на следующий день / *сразу же подняла’.				

Такие контексты могут подвергаться метафорическим расширениям, не связанным с перемещением физического объекта, ср. (50).

(50)	<i>mānat</i>	<i>vnuč'ka-je</i>	<i>skal</i>	<i>sūreda-sa</i>	<i>kel't-i-z.</i>
	я.GEN	внучка-POSS.1SG	корова	рисовать-CVB	оставить-PST-3SG
	‘Моя внучка нарисовала корову’.				

Во-вторых, многие примеры с *kel'tānā* предполагают, что агентивный участник по-

кидает локацию, где осуществилась ситуация:

(51)	<i>mi</i>	<i>šu'na</i>	<i>potā-sa</i>	<i>košk-i-m,</i>	<i>van'</i>	<i>pudo-jez</i>
	мы	утро	выйти-CVB	уйти-PST-1PL	весь	скот-ACC
	<i>s'udā-sa</i>		<i>kel't-i-m,</i>		<i>šu'na.</i>	
	кормить-CVB		оставить-PST-1PL		утро	
	‘Мы выехали с утра, всю скотину накормили, с утра’ [7].					

В-третьих, сложные глагольные комплексы с *kel'tânâ* могут описывать кратковременное действие, ср. данные о сочетаемости с адвербиалами длительности в (52), а также иллюстрацию в (53).

- (52) *pînä odig og minut kad' / *ijbât ütâ-sa kel't-i-z.*
 собака один один минута как всю_ночь лаять-CVB оставить-PST-3SG
 ‘Собака полаяла где-то минуту / *пролаяла всю ночь’.
- (53) *mon ta kn'iga-jez ôžät lâž'â-sa kel't-i-Ø no*
 я этот книга-ACC мало читать-CVB оставить-PST-1SG ADD
dukt-i-Ø.
 остановиться-PST-1SG
 ‘Я эту книгу немного почитала и перестала’.

В-четвёртых, конструкция с *kel'tânâ* может выражать значение ‘успеть сделать что-либо’, см. (54)–(55). В этом случае длительность осуществления ситуации также ограничивается – наступлением другой ситуации. Однако ситуация ‘успеть’ обязательно кратковременна: например, в (54) её реализация за существенно более короткое время, чем обычно, была бы невозможна прагматически.

- (54) *kânt-em-les' az'lo mon baž'âm pomidor-jos*
 заморозить-NMLZ-GEN2 раньше я большой помидор-PL
budetâ-sa kel't-i-Ø.
 растить-CVB оставить-PST-1SG
 ‘До заморозков я успела вырастить большие помидоры’.
- (55) *uža-nâ kutis'k-ič'č'ož mon s'i-is'kâ-sa kel't-i-Ø.*
 работать-INF начинать-CVB.LIM я есть-DETR-CVB оставить-PST-1SG
 ‘До начала работы я успел поесть’.

Глагол *až'ânâ* ‘видеть’

Глагол *až'ânâ* ‘видеть’ (лит. *adžыны*) в сложных глагольных комплексах описывает попытку как эксперимент, см. (56)–(57), а также [2]. Эта попытка может быть как удачной, так и неудачной, ср. возможные интерпретации (57).

- (56) «*ej, nâl-â, – šû-i-z, – vit'-ton vit' ares-oz'*
 Эй девушка-POSS.1SG сказать-PST-3SG пять-DEC пять возраст-TERM
uža-sa až'-Ø=ej, so ber-e až'-o-d
 работать-CVB видеть-IMP=PTCL тот зад-ILL видеть-FUT-2SG
in'i», – šû-i-z.
 уже сказать-PST-3SG
 ‘«Эй, дочка, – сказала, – попробуй-ка поработать до 55 лет, потом посмотришь [выходить ли на пенсию]», – сказала’ [7].
- (57) *vas'a ôs-ez üs'tâ-sa až'-i-z.*
 Вася дверь-ACC открыть-CVB видеть-PST-3SG
 ‘Вася попробовал открыть дверь (неизвестно, открыл или нет)’.

В контекстах попытки с приложением усилий (ср. рус. *стараться*) конструкция с *až'ânâ* не используется:

- (58) *nâlaš äjbât ukâ-nâ târš-i-z /*
 девочка хорошо учиться-INF стараться-PST-3SG
**ukâ-sa až'-i-z.*
 учиться-CVB видеть-PST-3SG
 ‘Девочка (по)старалась хорошо учиться’.

Обсуждение и заключение

Обобщая наши наблюдения о семантике сложных глагольных комплексов в татышлинском говоре удмуртского языка, можно отметить, что

в них выражается степень проявления того или иного параметра ситуации (в скобках далее приводятся подвергающиеся грамматикализации глаголы, которые развивают данное употребление):

– Высокая скорость перехода в новое состояние (*koškânâ* ‘уйти’).

– Высокая частота возникновения ситуации (*kâl'l'ânâ* ‘лежать, находиться’).

– Большая продолжительность ситуации (*ulânâ* ‘жить’).

– Полный охват объекта действием с перебором составных частей или сортов (*potânâ* ‘выйти’).

– Малая продолжительность ситуации (*bas'tânâ* ‘взять’, *kel'tânâ* ‘оставить’, в некоторых идиолектах *kuštânâ* ‘бросить’).

– Невысокая скорость развития ситуации (*mânânâ* ‘идти’).

– Низкая степень проявления других признаков ситуации (*bas'tânâ* ‘взять’).

– Второстепенный характер ситуации (*kuštânâ* ‘бросить’).

– Интерпретация ситуации как неожиданной (*lez'ânâ* ‘пустить, послать, бросить’).

– Подготовительная стадия осуществления действия, предполагающая неполную степень (*a'ž'ânâ* ‘видеть’).

Полученные результаты могут быть обобщены в рамках скалярного подхода, который предполагает анализ семантики языковых единиц путём обращения к понятию шкалы [11].

Шкала – множество объектов, линейно упорядоченных некоторым отношением. Так, длительность протекания разных ситуаций может быть измерена в секундах, а соответствующие величины могут быть упорядочены на временной шкале (например, 2 с – 5 с – 20 с). Полнота охвата различных объектов действием также может быть упорядочена на шкале, максимальное значение на которой предполагает полный охват объекта.

Анализ в скалярных терминах обсуждался для различных глагольных категорий и модификаторов, см. [1; 12; 16; 18; 20] и др. В монографии О. Каган [18] таким образом представлена семантика русских глагольных приставок. Значение предложения *Бельё подсохло* проанализировано исходя из следующих соображений. Глагол *сохнуть* обозначает множество событий, в ходе которых степень сухости субъекта увеличивается. Глагол *подсохнуть* обозначает подмножество событий из указанного множества, по завершении

которых степень сухости субъекта оказывается ниже максимальной степени на шкале сухости [18, 103]. Аналогично, предложение *Лена исписала весь блокнот* (см. [18, 191]) означает, что Лена оставила надписи в блокноте таким образом, что более в нём не осталось места для надписей. Иными словами, признак заполненности блокнота надписями имеет максимальное значение на соответствующей шкале.

Такие рассуждения применимы и к нашему материалу. Пример (18) – *kubâsta budâsa koškiz* ‘Капуста резко выросла’ – означает, что капуста достигла размера, оцениваемого как большой, со скоростью, которая превышает на шкале скорости стандартную скорость достижения большого размера.

Конструкция из (28) – *vas'a ž'üäsa kâl'l'e* ‘Вася пьёт’ – означает, что Вася употребляет алкоголь с частотой, превышающей стандартную (т. е. значение признака частоты располагается в этом случае выше, чем значение признака частоты употребления алкоголя, понимаемое как нормальное).

Конструкция *veras'kâsa bas'ti* ‘поговорил’ из (35) предполагает, что разговор длился меньше время по сравнению с тем, которое может быть оценено как стандартное.

Аналогичные рассуждения могут быть выстроены и для других перечисленных выше употреблений сложных глагольных комплексов, выражающих степенные характеристики ситуации. Семантическое приращение, привносимое грамматикализованным глаголом по сравнению с простой глагольной конструкцией (*kubâsta budiz* ‘Капуста выросла’ и проч.), состоит в добавлении скалярной оценки на шкале, специфичной для конкретного грамматикализованного глагола.

Дальнейшим направлением исследований мог бы стать ареальный и типологический анализ. Как показало наше исследование горномарийского языка [3], к его материалу также применим скалярный подход. Данные других языков (в частности, алтайских, считающихся источником заимствования рассматриваемой модели) представляют собой перспективный предмет дальнейших сопоставлений.

Список сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, ACC – аккузатив, ADD – аддитивный маркер, CAUS – каузатив, CVB – деепричастие, CVB.LIM – деепричастие с ограничительной семантикой, CVB.SIM – деепричастие с семантикой одновременности, DAT – датив, DEB – дебитив, DEC – суффикс числительных со значением десятка, DENOM – отыменной глагол, DETR – детранзитивизатор, EL – элатив, EMPH – эмфатическая частица, FUT – будущее время, GEN – генитив, GEN2 – второй генитив

(аблатив), ILL – иллатив, IMP – императив, INCH – инхоатив, INF – инфинитив, INS – инструменталис, ITER – итератив, LOC – локатив, NEG – отрицание, NMLZ – номинализация, PL – множественное число, POSS – посессивность, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, PST2 – второе прошедшее время, PTCL – частица, REFL – рефлексив, SG – единственное число, TERM – терминатив.

Список источников и литературы

1. Дьячков В. В. Глагольная множественность // Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / ред. Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. М.: Буки Веди, 2023. С. 399–431.
2. Кашкин Е. В. Сложные глагольные комплексы в татышлинском говоре удмуртского языка: ареальная перспектива // II Ёпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Йошкар-Ола, 9–10 декабря 2022 г.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 90–104.
3. Кашкин Е. В. Семантические функции сложных глагольных комплексов в горномарийском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 282–298.
4. Кельмаков В. К. Спаренные глаголы в удмуртском языке (на материале кукморского диалекта) // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск: УдНИИ, 1975. Вып. 3. С. 90–105.
5. Козловцева Н. А. Лексическая сочетаемость компонентов сериальных конструкций (на материале удмуртского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 174–189.
6. Козловцева Н. А. Удмуртские сериальные конструкции в типологическом освещении // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. № 3. С. 323–330.
7. Корпус татышлинского удмуртского. URL: <https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/> (дата обращения: 09.10.2024).
8. Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 202 с.
9. Пишлэгер К. Удмуртские аналитические деепричастные конструкции в кросслингвистической перспективе // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса. Материалы IX Междунар. симпозиума (Саранск, 13–15 июня 2013 г.). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2014. С. 202–208.
10. Пишлэгер К. Ещё раз об аналитических деепричастных конструкциях в удмуртском языке // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. Сборник статей. Ижевск: Удмуртский университет, 2017. С. 250–261.
11. Татевосов С. Г. Скалярность в семантике естественных языков // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2023. Т. 12. С. 336–347.
12. Татевосов С. Г. Шкалы, меры, конечные точки: наблюдения о композициональной природе предельности (на материале карачаево-балкарского языка) // Урало-алтайские исследования. 2023. № 3. С. 97–122.
13. Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003. 160 с.
14. Bradley J. Mari converb constructions: productivity and regional variance. PhD thesis. Vienna: University of Vienna, 2016. 316 p.
15. Bradley J., Pischlöger C. Converb constructions in Mari and Udmurt: Russian loanwords as a metric of productivity // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2021. Vol. 66. Pp. 5–50.
16. Filip H. The quantization puzzle // Events as grammatical objects, from the combined perspectives of lexical semantics, logical semantics and syntax. Stanford: CSLI Press, 2000. Pp. 3–60.
17. Horvath L. On the aspectual markers of the Udmurt language: expressions of aspect in dialects // Grammatika és kontextus – új szempontok az uráli nyelvek kutatásában III (Urálisztikai tanulmányok 20). Budapest: ELTE BTK Finnugor Tanszék, 2013. Pp. 108–123.
18. Kagan O. Scalarity in the verbal domain. The case of verbal prefixation in Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 278 p.
19. Levin B. English verb classes and alternations: a preliminary investigation. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1993. XVIII + 348 p.
20. Tatevosov S. Pluractionality vs. discontinuity // Proceedings of the Sixteenth Amsterdam Colloquium (December 17–19, 2007). Amsterdam: University of Amsterdam, 2007. Pp. 217–222.

References

1. Djachkov V. V. *Glagol'naya mnozhestvennost'* [Verbal plurality]. *Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of the Mountain Mari language in the typological aspect]. Chief ed. E. V. Kashkin, ed. M.-E. A. Vinkler, T. I. Davidiuk, V. V. Djachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova. Moscow: Buki Vedi Publ., 2023. Pp. 399–431. (In Russian)
2. Kashkin E. V. *Slozhnye glagol'nye komplekсы v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka: areal'naya perspektiva* [Complex verbs in the Tatyshly Udmurt subdialect: areal perspective]. *II Ёпымарий лудмаш (II Vasil'evskie chteniya): Aktual'nye problemy sovremennoy komparativistiki: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Yoshkar-Ola, 9–10 dekabrya 2022 g.)* [II Conference in memoriam V. M. Vasilyev. Current issues of contemporary comparative studies: proceedings of all-Russian conference with international participation (Yoshkar-Ola, December 9–10, 2022)]. Yoshkar-Ola: MarNIYaLI Publ., 2023. Pp. 90–104. (In Russian)

3. Kashkin E. V. *Semanticheskie funktsii slozhnykh glagol'nykh kompleksov v gornomariyskom yazyke* [Semantic functions of complex verb constructions in the Mountain Mari language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2023, no. 3, pp. 282–298. (In Russian)
4. Kelmakov V. K. *Sparenyye glagoly v udmurtskom yazyke (na materiale kukmorskogo dialekta)* [Paired verbs in the Udmurt language (on the materials of the Kukmor dialect)]. *Voprosy udmurtskogo yazykoznaneya* [Issues in Udmurt Linguistics]. Izhevsk: UdNII Publ., 1975. Vol. 3. Pp. 90–105. (In Russian)
5. Kozlovtsseva N. A. *Leksicheskaya sochetaemost' komponentov serial'nykh konstruktsey (na materiale udmurtskogo yazyka)* [Lexical combinability of components of serial constructions (on the material of the Udmurt language)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2021, no. 9 (851), pp. 174–189. (In Russian)
6. Kozlovtsseva N. A. *Udmurtskie serial'nye konstruktsey v tipologicheskoy osveshchenii* [Udmurt serial constructions in typological coverage]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2023, no. 17 (3), pp. 323–330. (In Russian)
7. *Korpus tatyshlinskogo udmurtskogo* [Corpus of the Tatyshly Udmurt subdialect]. Available at: <https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/> (accessed October 09, 2024).
8. Nasibullin R. Sh. *Zakamskie govory udmurtskogo yazyka* [Trans-Kama subdialects of the Udmurt language]. Moscow, 1972. 202 p. (In Russian)
9. Pischlöger C. *Udmurtskie analiticheskie deeprichastnye konstruktsey v krosslingvisticheskoy perspektive* [Udmurt analytical converbial constructions in a cross-linguistic perspective]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya: aktual'nye problemy morfologii i sintaksisa. Materialy IX Mezhdunarodnogo simpoziuma (Saransk, 13–15 iyunya 2013 g.)* [Language contact in the Volga region: current issues in morphology and syntax. Proceedings of the IX International symposium (Saransk, June 13–15, 2013)]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo universiteta Publ., 2014. Pp. 202–208. (In Russian)
10. Pischlöger C. *Eshche raz ob analiticheskikh deeprichastnykh konstruktseyakh v udmurtskom yazyke* [Again on analytical converbial constructions in the Udmurt language]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya X: aktual'nye problemy normativnoy i istoricheskoy fonetiki, grammatiki, leksikologii i stilistiki. Sbornik statey* [Language contacts in the Volga region X: current issues in prescriptive and historical phonetics, grammar, lexicology, and stylistics. Collection of articles]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet Publ., 2017. Pp. 250–261. (In Russian)
11. Tatevosov S. G. *Skalyarnost' v semantike estestvennykh yazykov* [Scalarity in the semantics of natural languages]. *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN* [Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences], 2023, no. 12, pp. 336–347. (In Russian)
12. Tatevosov S. G. *Shkaly, mery, konechnye tochki: nablyudeniya o kompozitsional'noy prirode predel'nosti (na materiale karachaevo-balkarskogo yazyka)* [Scales, measures and endpoints: observations on the compositional nature of the limit (on the materials of the Karachay-Balkar language)]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2023, no. 3, pp. 97–122. (In Russian)
13. Baidoullina A. *Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Tatyshly subdialect of the Udmurt language: phonetics and morphology]. Tartu: Tartu Ülikool, 2003. 160 p. (In Russian)
14. Bradley J. *Mari converb constructions: productivity and regional variance*. Vienna: University of Vienna, 2016. 316 p. (In English)
15. Bradley J., Pischlöger C. *Converb constructions in Mari and Udmurt: Russian loanwords as a metric of productivity*. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 2021, no. 66, pp. 5–50. (In English)
16. Filip H. *The quantization puzzle. Events as grammatical objects, from the combined perspectives of lexical semantics, logical semantics and syntax*. Stanford: CSLI Press, 2000. Pp. 3–60. (In English)
17. Horvath L. *On the aspectual markers of the Udmurt language: expressions of aspect in dialects*. *Grammatika és kontextus – új szempontok az uráli nyelvek kutatásában III (Urálisztikai tanulmányok 20)*. Budapest: ELTE BTK Finnugor Tanszék, 2013. Pp. 108–123. (In English)
18. Kagan O. *Scalarity in the verbal domain. The case of verbal prefixation in Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 278 p. (In English)
19. Levin B. *English verb classes and alternations: a preliminary investigation*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1993. xviii + 348 p. (In English)
20. Tatevosov S. *Pluractionality vs. discontinuity*. *Proceedings of the Sixteenth Amsterdam Colloquium (December 17–19, 2007)*. Amsterdam: University of Amsterdam, 2007. Pp. 217–222. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кашкин Егор Владимирович, старший научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2); член научного коллектива в проекте РФФ, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; кандидат филологических наук.
egorka1988@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3044-0851

ABOUT THE AUTHOR

Kashkin Egor Vladimirovich, Senior Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (119019, Russian Federation, Moscow, Volkhonka Str., 18/2); investigator in the RSF project, Lomonosov Moscow State University; Candidate of Philological Sciences.
egorka1988@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3044-0851